

ЭМИ ПАРКС

Перевод Ирины Ягодкиной

КВАНТОВАЯ ТЕОРИЯ НЕДОПОЦЕЛУЕВ

«ОНА — ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА ВО ВСЕХ МОИХ РЕШЕНИЯХ»

Young Adult Nonfiction

Эми Паркс

Квантовая теория недопоцелуев

«Питер»

2020

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)6

Паркс Э.

Квантовая теория недопоцелуев / Э. Паркс — «Питер»,
2020 — (Young Adult Nonfiction)

ISBN 978-5-00116-799-0

Дано: Эви, гений математики и обладательница тревожного расстройства; Кaleb, будущий разработчик и лучший друг Эви; Лео, новичок и изобретатель «прелестных» решений; Мило, неизвестное значение. Вопрос. Что будет, если в одном уравнении окажутся Эви, с детства влюбленный (безответно ли?) в лучшую подругу Кaleb и Лео, оценки которого упали из-за того, как Эви прикусывает губу? А если появится некто третий – загадочный друг по переписке? Жизненные задачи со звездочкой, сложности общения с гиперпекающей мамой, сеансы с психологом, первые отношения и сложный выбор между дружбой и любовью – почему все происходит именно так и как во всем этом разобраться? Решение. См. в конце книги. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)6

ISBN 978-5-00116-799-0

© Паркс Э., 2020
© Питер, 2020

Содержание

Предисловие: на что смотреть?	6
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Эми Паркс

Квантовая теория недопоцелуев

© 2020 Amy Noelle Parks

© Перевод на русский язык ООО «Питер Класс», 2022

© Издание на русском языке, оформление ООО «Питер Класс», 2022

© Серия «Young Adult Nonfiction», 2022

© Перевод с английского Ягодкина И., 2022

© Иллюстрации на обложке Скорикова М., 2022

© Предисловие, послесловие, Настасья Крысько, 2022

Предисловие: на что смотреть?

Читать книги можно по-разному: вдумчиво и отвлеченно, сосредоточившись на любовных перипетиях или становлении и взрослении героев, обращая внимание на близкие нам проблемы и жизненные ситуации или с головой уходя в чужую жизнь. Эви, главная героиня этой истории, учится справляться со своими эмоциями и понимать чувства окружающих и ходит к психотерапевту, так как страдает от тревожного расстройства. Поэтому я предлагаю взглянуть на текст с ракурса когнитивно-поведенческой терапии.

Начну с того, что, на мой взгляд, «Квантовая теория недопоцелуев» дает прекрасную возможность увидеть, как по-разному одна ситуация может быть интерпретирована разными людьми, а также помогает разобраться в себе и своих эмоциях. Думаю, лучше всего мы понимаем чужую точку зрения, когда находимся вне ситуации или когда она не касается нас напрямую, но можем терять это понимание, когда что-то происходит с нами.

Какие вопросы задавать, чтобы лучше понимать героев книги, их мотивацию и поведение?

- Как герои описывают происходящее? Опирается ли их описание на факты или скорее на домыслы?
- Какие ценности есть у героев? Что важно сейчас?
- Поступают ли они в соответствии со своими ценностями?
- Как герои работают со своими эмоциями? Как они проживают и принимают их? Помогают им эти способы или нет?
- Как герои запрашивают и принимают поддержку?

Какие сюжетные линии помогут разобраться в себе и своих чувствах?

• **Любовная линия.** Обратите внимание, как именно выражается влюбленность героев, какие эмоции, мысли и действия сопровождают ее. Эта книга прекрасна тем, что показывает нам совершенно разный опыт проживания чувств, и это доказывает: нет правильного и неправильного переживания влюбленности, каждый и каждая проживает ее по-своему. Когда я была подростком, иногда мне казалось, что я как-то «не так» чувствую влюбленность и что у других людей все по-другому. Если бы мне тогда попалась эта книга, думаю, я быстрее поняла бы, что со мной все нормально. :)

• **Родители и дети.** Еще интересно понаблюдать за тем, как герои воспринимают то, что им с детства говорили окружающие взрослые, как эти слова внезапно превращаются в установки и убеждения, когда ребенок вырастает, и как они с этим справляются. Важно помнить, что не всегда то, что нам говорят о нас, соответствует истине. Только мы сами решаем, какими быть, что нам по силам, а что нет.

• **Эви и терапия.** Главная героиня регулярно ходит к психотерапевту – и это замечательная возможность увидеть, как то, что обсуждается на сессии, можно применять в жизни. Вместе с Эви мы понимаем, что психотерапия может быть непростой и что не всегда будет получаться поступать так, как мы планируем, но это нормально. Если же вы никогда не были у психолога или психотерапевта, но хотите начать терапию, эта книга, возможно, поможет вам сформулировать запрос и понять, как все проходит.

До встречи на страницах послесловия!

Подростковый психолог, когнитивно-поведенческий терапевт, автор TG-канала @nastasya_kr Настасья Крысько

Перри. Моему лучшему другу. Навсегда.

КАЛЕБ

– Я не влюблен в Эви Бэкхем.

Мне бы и хотелось подчеркнуть это еще больше, но мы с Лео уже двадцать минут носимся челночным бегом, так что я едва могу говорить, не то что с каким-то нажимом. Я падаю на землю и откидываюсь на спину.

– Рано остановился, – говорит Лео, сверяясь с часами.

У него как раз в разгаре футбольный сезон, но я-то питчер, а до бейсбола еще месяцы и месяцы. Я здесь только ради Лео – чтобы он не тренировался один. Не дело переносить такие пытки в одиночку. И несмотря на жгучую боль в легких, я был совсем не против этой тренировки, пока Лео не заговорил об Эви.

– Продолжай, я тебя не держу, – говорю я ему.

Но Лео садится рядом со мной.

– Вы с Эви все время вместе.

– Мы друзья, – говорю я, хотя это еще слабо сказано.

Мы с Эви не разлей вода. Когда нам было пять, она посреди зимы пришла из садика к запертому дому, потому что ее рассеянные родители (математик и психолог) просто забыли, что у них есть дочь. Мои мама с папой ее спасли, и с тех пор мы были неразлучны.

Почти четыре года назад она уговорила меня податься в академию Ньютона, в школу-интернат с дичайшим отбором и уклоном в математику и физику. Здесь мы и учимся: она, я и Лео. Я согласился только потому, что считал, будто у меня нет шансов. В отличие от Эви, которая сдала отборочный экзамен за половину отведенного времени. Наверное, ее выпендрож повысил мои шансы, напугав всех остальных до чертиков, – а я-то ничего другого от нее и не ждал.

Когда, к моему удивлению, мы оба получили письма о зачислении, я попытался отговорить Эви от поступления. Она нарисовала мне прелестную картинку, как мы целыми днями будем кодить и мастерить роботов. Но я не хотел бросать семью в Висконсине ради школы в штате Иллинойс, в которой учатся почти одни мальчики, где придется носить форму и упыхиваться в хлам. Я хотел плыть по течению все старшие классы вплоть до неизбежного выпускного. Пускай Эви когда-нибудь получит Филдсовскую премию по математике – за английский ей никогда выше четверки не поставят.

Но Эви распахнула свои большие серые глаза, положила мне ладонь на предплечье и сказала: «Пожалуйста?» Ну и через полгода я уже собирал вещи. Не то чтобы я жалел. В нашей школе я бы и сам мог учить народ кодить, а вот тут наш наставник прямо всерьез работал на «Майкрософт».

– Думаешь, у меня есть шанс? – спрашивает Лео, прерывая поток моих мыслей.

– Возможно, – говорю я, но про себя думаю: «Нет».

Эви не фанатка новых впечатлений. Она ест около двенадцати видов пищи (половина из них бежевого цвета), не любит разговаривать с незнакомцами и в свои семнадцать до сих пор так боится учиться кататься на велике, что дома ездит в библиотеку на скутере. Эта ее привычка и бесит, и умиляет.

Пока Эви не выказывала абсолютно никакого интереса к свиданиям и отбивала охоту у всех, кто предлагал, безжалостно и эффективно.

Типичный разговор на эту тему обычно выглядит примерно так:

Гейб: Не хочешь кино посмотреть?

Эви: Не люблю кино. Как только я понимаю, кто все эти люди, фильм заканчивается.

Гейб: Ну, смысл-то, по сути, не в кино.

Эви: Сейчас я буду делать физику.

Как по мне, это просто уморительно, но жертв ее беззастенчивых отказов это явно не забавляет.

– Почему Эви? – спрашиваю я Лео. Я просто ее защищаю.

Как брат.

Или кузен.

Или сознательный гражданин безо всяких там семейных отношений.

Лео на минуту затихает. Потом говорит:

– Мне нравится, что она думает куда больше, чем говорит, и никогда не уступает профессору Льюису. А как Эви закусывает губу, когда решает задачу! Моя оценка по физике упала на четыре балла, когда я это заметил.

Тут уж я не могу привести никаких разумных возражений. Никаких намеков на то, что Эви – просто сложный уровень в видеоигре, который он хочет разблокировать первым.

– Если тебе правда неинтересно, можешь поговорить с ней обо мне? – спрашивает Лео.

Он не первый, кто просит помочь со взломом кода Эви, но я отказываю своим одноклассникам в техподдержке. Мне нравится смотреть, как они обламываются.

Ведь давайте признаем.

Я по уши влюблен в Эви Бэкхем.

ЭВИ

Вот истории из моего детства.

Георг Кантор, создатель теории множеств, долгое время был заперт в стенах приюта для душевнобольных.

Курт Гёдель сформулировал две из самых известных математических теорем и умер от голода, когда его жена заболела, потому что отказывался есть то, что готовил кто-то, кроме нее.

А Джон Нэш, работавший с теорией игр, потерялся в собственной голове.

Я могла бы перечислять и дальше, но, когда мы с Анитой виделись в последний раз, она сказала, что я должна перестать заикливаться на злосчастных математиках. И что фиксация на их проблемах – это непродуктивно. Вот бы моей маме кто так сказал.

Сегодня Анита приглашает меня войти прежде, чем я успеваю начать делать домашку. Гостиную в доме начала века превратили в кабинет психотерапевта. Там даже есть кушетка, на которую можно улечься, и застекленные двери, через которые можно выйти, чтобы не встречаться с другими пациентами. Вроде бы такая система должна защищать мою частную жизнь, но у меня это вызывает лишь ощущение, что я должна стыдиться своих визитов.

Единственное утешение – сама Анита. У нее широкая улыбка, буйные кудряшки с проседью, и она больше похожа на тетушку, чем на врача. Это первый психотерапевт, которого я нашла сама.

Мама, написавшая диссертацию о связи душевных болезней и математического гения, считает мои визиты превентивными мерами. Когда я поступила в Ньютон, она выбрала мне психиатра. Но в прошлом году я ушла от него, так как сеансы стали тревожить меня больше, чем их отсутствие.

– Как дела? – спрашивает Анита, ставя стул перед застекленными дверями. Ведь я отказываюсь ложиться на эту нелепую кушетку.

– Мы с Бекс подали заявления в Чикагский университет.

Мы подались, потому что меня там интересует классная кафедра теоретической физики, а Бекс – потрясающий конкурс на факультет медицины. Мы будем учиться вместе, и благодаря этому я паникую чуть меньше.

- А Кaleb? – улыбается Анита.
 - Все еще думает.
 - Ты бы спокойно восприняла его отъезд куда-то далеко?
- Я думаю над ответом.
- Он не уедет.
 - Как ты в этом уверена, – замечает она.

Так и есть.

Имя моим страхам – легион. Они все нормальные: я боюсь восьминогих тварей, замкнутых пространств, публичных выступлений и чересчур восторженных учителей начальной школы. Но есть еще и необычные: лягушки (почему у них так сгибаются лапы?), мосты, пустые бассейны, полные рестораны и желе (что трогать, что есть; и Кaleb говорит, что это совершенно разумный страх).

Но я не боюсь, что Кaleb поступит в какой-то другой колледж.

– Мы всю жизнь дружим.

Простота этого заявления не способна вместить в себя все, что я имею в виду, но я не знаю, что добавить.

– Иногда друзья перестают общаться, – замечает Анита.

– Только не мы, – говорю я, но мне не нравятся нотки сомнения в ее голосе.

– Надеюсь, что так. Но, возможно, тебе стоит слегка расширить свой круг общения.

Подружиться с кем-то помимо Бекс и Калеба. Лучше попробовать знакомиться с другими людьми, пока ты чувствуешь себя в безопасности.

– Но люди скучные.

– Ты ходишь в школу, где учится сто двадцать человек, одаренных в сфере математики и точных наук, – говорит Анита. – Найди парочку тех, кто будет стоить потраченного времени.

В конце мы рассматриваем все, что стриггерило меня на этой неделе. Раньше врачи работали над моей тревожностью только с помощью когнитивной поведенческой терапии и лекарств. Но Анита копнула глубже и помогла мне понять, что моя тревожность – не только порождение моего мозга. Она научила меня термину «ситуативная тревожность» и помогла понять, что взросление в моем родном городе – это та еще ситуация.

С ее помощью весной я слезла с таблеток. Я благодарна за то, что они сделали меня лучше, но мне больше не нужно принимать их каждый день. Мама не до конца верит, что это правильный путь, но Анита напоминает мне, что я сама себе начальница.

– Продолжай, ты молодец, – говорит она, когда сеанс заканчивается, и я выхожу через двери позора.

Идти обратно в Ньютон по яркому октябрьскому солнышку недолго. Территория школы прилегает к университетскому кампусу. Она усыпана огромными бетонными статуями мифический зверей – единорогов, драконов и морских змеев. Я всегда думала, что это странный выбор для школы с уклоном в точные науки. Главное здание выполнено в готическом стиле, хотя ему нет и десяти лет. Стеклопанные панели покрыты искусственными трещинами и освинцованы, чтобы выглядели старыми. Кaleb говорит, это чтобы брать больше денег за учебу, хотя это и нелогично. Но я привыкла доверять ему в таких вещах.

Общежитие, более прозаичное строение, соединяется коридором с главным холлом и скрыто из виду. В нем три этажа с комнатами-однушками. Девочкам отведен верхний этаж, а значит, их в два раза меньше, чем мальчиков. В приемной комиссии говорят, что это отражает соотношение мальчиков и девочек среди абитуриентов. Бекс относится к этому скептически.

Я открываю дверь и вижу Бекс: она сидит, скрестив ноги, на моей постели, а вокруг разложены записи по биологии. Сегодня она выглядит как принцесса гиков. На ней белая рубашка на пуговицах, кобальтово-синий вязаный жилет и плиссированная клетчатая юбка в цветах Ньютона – синий, черный, серый. Каштановые волосы завязаны в высокие хвостики, а на носу –

большие очки в толстой черной оправе. Завтра, несмотря на дресс-код, она будет выглядеть совершенно иначе.

Я ношу практически одно и то же каждый день: черное худи, синюю футболку и плиссированную клетчатую юбку. Бекс считает, что правила по форме в Ньютоне – это как правила сонета: для большинства – ужас, но в руках настоящего поэта – магия. (Я считаю все сонеты ужасными.)

Бекс – младшая дочь дико популярного телепроповедника, любимого народом из-за его политики и латиноамериканского происхождения: с ним его зрители, почти все белые, не чувствуют себя такими расистами. Бекс фактически шантажом заставила родителей позволить ей поехать в Ньютон. В случае отказа она угрожала делать нечто более неприличное, чем посещение академии по физике.

Я вешаю пальто и сумку на крючки у шкафа, кладу на край стола блокнот и фломастеры и пробегая по ним пальцем, чтобы их выровнять. (Я не боюсь беспорядка. Он мне мерзок. Как зерненный творог.)

– Я хотела спросить, как там твой психоз, но над ним еще явно надо поработать, – говорит Бекс.

– Стремление к порядку – это не болезнь. – Я со знанием смотрю на ее бумажки.

Она собирает их в стопки.

– А почему ты вообще здесь? И как ты вошла?

Она наклоняет голову, хлопает ресницами и с придыханием говорит:

– Эван, я оставила учебник по биологии в комнате у Эви, и если я его сейчас же не верну, то завтра провалю контрольную.

Я фыркаю. Чтобы она провалила контрольную по биологии, Бекс должна наковальня на голову упасть. Но она такая красивая, что ее постоянно недооценивают. Эван, студент колледжа, который работает у нас на этаже завхозом, – один из многих поклонников Бекс. Он бы ей не только ключ от всех дверей отдал, но и мой ноутбук, если бы она попросила.

– А ты никогда не думала, что твои большие карие глаза и глубокие ямочки на щеках – это несправедливое преимущество?

– Да, Эви... Я – женщина-латинос и занимаюсь наукой, я каждый день думаю о своих несправедливых преимуществах, – отвечает она. – Захочешь разыграть карту «английской красавицы» – я всегда готова помочь.

Я унаследовала внешность от отца-британца: темно-русый цвет волос, серые глаза и бледную кожу. От матери мне достался невысокий рост, волосы, вьющиеся на концах, и некоторое разочарование в большинстве людей на земле.

Сев рядом с Бекс, я повторяю вопрос:

– Почему ты здесь?

Не то чтобы Бекс никогда не заседала в моей комнате, но она знает, что я дорожу личным пространством. Я люблю свои вещи, а больше всего – огромную белую доску, на которой сейчас яркими цветами расписана моя работа, и я не хочу ею делиться.

– От родителей пришел запоздалый подарок на день рождения. – Она протягивает мне маленькую коробочку. Внутри лежит широкое серебряное кольцо. Простое, но красивое. Я смотрю на нее, и она кивает: – Прочти.

На внутренней стороне кольца – крохотная надпись курсивом: «*Вы не свои*».

Я не знаю, что это значит, но все равно у меня мурашки.

– Это из Библии, – говорит Бекс. – Это значит, что твое тело не принадлежит тебе. Это типа кольцо чистоты. Когда они разрешили мне сюда поехать, я обещала, что не буду ни с кем встречаться, но, кажется, они поняли, что я сомневаюсь.

Иногда я задумываюсь, кто травмирован больше: Бекс, чей отец воспринимает так много самых скверных отрывков из Библии буквально, или я, чья мать считает, что DSM-5 (официальное руководство по всем психическим расстройствам) – это справочник для родителей.

Я захлопываю коробочку и убираю в ящик стола.

– Будет нужно, когда поедешь домой, тогда и возьмешь, – говорю я. – Пошли за печеньем.

Пекарня «Лунный луч» решает все наши проблемы, большие и маленькие. Я все время беру одно и то же – шоколадное печенье с шоколадной крошкой, а Бекс просит неизменно странный десерт месяца – сейчас это апельсиново-ананасовое печенье, что, наверное, говорит все, что нужно о нас знать.

Мы идем обратно в Ньютон с печеньем, завернутым в коричневую бумагу.

Доев, Бекс говорит:

– Можно задать тебе вопрос?

– Какой угодно.

– Что это за рисунки у тебя на доске?

Я с удивлением поворачиваюсь к ней. Вот этого я совсем не ожидала.

– Обычно у тебя там полно уравнений, но сегодня – какие-то безумные картинки.

Ее взгляд блуждает по моему лицу, и я смотрю на нее в ответ, ища в вопросе скрытый смысл.

Порой мне сложно читать эмоции других, хотя чем лучше я знаю человека, тем это проще. Бекс весьма прагматично относится к этому дефекту: она часто объясняет мне эмоции, мелькающие на лицах окружающих, и называет это «эмоциональными субтитрами». Но когда я пытаюсь читать ее саму, это не помогает.

Наконец, слово «безумные» наводит меня на мысль. Она беспокоится: вдруг эти рисунки на доске связаны с моей тревожностью.

– Это адинкра, – говорю я, пытаюсь ее успокоить.

– Ты же понимаешь, что это не ответ?

– Тебе подробно объяснять?

Она кивает, и я приступаю:

– Первые символы адинкра – это символы, обозначающие понятия, они были распространены в Гане. Что-то вроде иероглифов: много информации вложено в один маленький рисунок. Вот! – Я достаю телефон и показываю квадрат, нарисованный вокруг чего-то, похожего на песочные часы с полосками. – Это значит «дом, устойчивый против ветра», символ силы перед лицом предательства.

– А вот этот, большой, наверху на доске – повернутая геральдическая лилия?

Я улыбаюсь.

– Это мой любимый. Означает «курица наступает на цыплят, но не убивает». Совет для родителей: лелей, но не балуй.

– Девиз семьи Бэкхем, – говорит Бекс.

– Ну почти, – соглашаюсь я.

– Почему они тебе так интересны?

– Потому что это гениально, – говорю я. – Можно составлять математические символы адинкра.

– Те, что ты нарисовала, похожие на звездолеты? – спрашивает Бекс.

– Да. Черные и белые точки, разные цвета, пунктир и сплошные линии – все это можно использовать в качестве шифра. И запихать кучу уравнений в один рисунок.

– А зачем это тебе?

– Так можно моделировать очень сложные вещи.

– То есть ты не превращаешься в ньютоновского Унабомбера?

– Нет, что ты.

Мне лень называть ей его имя и рассказывать о его математической эрудиции, хотя мне известно и то и другое.

КАЛЕБ

Я забираю завтрак, ставлю поднос на стол напротив Бекс и Эви и начинаю есть яичницу-болтунью, пить кофе и одновременно проверять домашку по физике. Эффективно, но неаккуратно.

Эви пьет чай, а Бекс мрачно таращится в пустоту. На ней темно-синее, слишком длинное для нее платье и белая блузка с высоким воротом, как будто украденная у монашки.

– Терпеть не могу этот наряд, – говорю я ей.

– Это потому, что тебе не видны мои ноги.

– Нет, – отвечаю я, хотя у Бекс красивые ноги. – Это потому, что ты надеваешь его, только когда грустишь.

Эви смотрит на меня, как будто я показал фокус. Для нее чувства – это тайна.

Я осматриваю переполненную столовую.

– Кому-то надо преподать урок хороших манер? – спрашиваю я у Бекс.

Она красива и умна и ни с кем не встречается из-за какой-то сделки с родителями в стиле Фауста. К сожалению, некоторые мои одноклассники считают это вызовом для себя. В прошлом году я засадил Мейсону Плоуману в плечо бейсбольным мячиком за то, что он распускал руки. И готов с удовольствием повторить.

Но Бекс улыбается и качает головой.

– Нет, но спасибо за предложение.

– Живу во имя служения, – отвечаю я. – Увидимся на гуманитарке?

Бекс кивает, и я встаю. С яичницей с расправился, кофе выпил, а вот домашке не помешало бы уделить чуть больше внимания.

– Готова, Эви?

Мы сдаем подносы и отправляемся на физику.

– Что с ней творится? – спрашиваю я, пока мы идем по коридору.

– Проблемы дома. Родители прислали жутковатый подарок на день рождения.

Я приподнимаю брови, но не задаю вопросов.

– Представляешь, как расти во всем этом?

– Нет, – отвечает Эви.

– Наверное, девушке еще и хуже, – говорю я, придерживая ей дверь.

Мы садимся за наши обычные парты. Нет, мы не занимали себе стулья специально, просто нас каждый день тянет на одни и те же места. Нас всегда четырнадцать – учеников последнего класса, выбравших физику как профилирующий или второстепенный предмет. На биологии с ее подготовительными курсами для одаренных и кодинге с будущими работниками «Гугла» почти в два раза больше народа.

Профессор Льюис эффектно врывается в класс и включает старомодные электронные часы. Они вспыхивают цифрами «24:00:00» и начинают обратный отсчет.

– Промежуточные экзамены – завтра, – говорит он, знаменуя начало урока. – Сегодня – повторение пройденного. Учим вечером. А то – вы знаете, как называют физиков, проваливших экзамены? – На приманку никто не клюет. – Инженеры.

Профессор Льюис немного консервативен.

Он переходит к уравнениям для завтрашнего экзамена. Я лихорадочно их переписываю, а Эви даже не обращает внимания. Она рисует какой-то узорчик в углу тетрадного листа, и я надеюсь, что он не имеет отношения к экзамену, потому что я понятия не имею, что это такое.

Профессор Льюис отключает проектор и говорит:

– Прежде чем мы перейдем к домашней работе, хочу напомнить, что последний срок подачи работ на «Фронтир» наступит раньше, чем вы успеете оглянуться.

Эви застывает. «Фронтир» – это как Нобелевская премия и «Оскар» разом для физиков-старшекласников. Ты подаешь работу, которая должна включать в себя как минимум незаурядные математические расчеты, а финалистов приглашают на конференцию, где их работы представляют судьям. Приглашение на конференцию практически гарантирует тебе поступление в лучшие университеты страны. Попал в пятерку лучших – получил стипендию.

Работу Эви выбрали в прошлом году, но перед конференцией у нее случился нервный срыв, и она так и не выступила. Интересно, о чем она думает.

Профессор Льюис собирает наши домашние работы – многоэтапные задачи про волчки разных размеров, срезает с них наши имена и начинает прищипливать листки к пробковым доскам по периметру кабинета.

Я смотрю на Эви и сочувственно улыбаюсь. В прошлом году, когда мы начали решать более сложные задачи, профессор Льюис ввел эту стратегию аудиторного обучения – «проходку». Он развешивает наши работы, нумерует и просит выбрать лучшее решение. Цель, как он говорит, – оценить чужие работы, не прибегая к категориям «правильно-неправильно».

Эви терпеть не может эту практику. Во-первых, ее не впечатляют решения других, ведь они не так продуманны, как ее собственные. А во-вторых, она всегда побеждает, а это означает, что ей приходится при всех беседовать с профессором Льюисом.

Я встаю, помогаю Эви подняться и чуть-чуть, ободряюще, сжимаю ее ладонь. Мы идем через весь класс. Как всегда, я сразу же узнаю ее решение. Половина – такая же, как у всех остальных, но есть уравнения, которые мы еще не проходили, а ответ точно такой же, как у меня. Я пишу номер ее работы на своем стикере, когда Лео, стоящий позади меня, говорит:

– Это шикарно.

Он ведет пальцами по работе Эви, и я испытываю иррациональное желание сбросить его руку с листка. Но вместо этого я смотрю на Эви, которая застыла напротив другой работы. У меня появляется скверное предчувствие.

Я возвращаюсь к ней и спрашиваю:

– Тебе что-то понравилось?

– Только посмотри, Калев. Какая прелесть.

Она касается работы пальцами с той же почтительностью, которую Лео выказывал ее работе на другом конце класса. Поверить не могу, что меня силой усадили на первый ряд наблюдать за первой романтической историей Эви. Я ничем подобное не заслужил.

Не говоря ни слова, я возвращаюсь на свое место. Когда я оборачиваюсь на Лео, то вижу, как он смотрит на Эви. И она смотрит на него в ответ, пусть признавать это для меня смерти подобно. Работы анонимны, но Эви знает, что больше никто не смог бы придумать решение, которое ее так захватило.

У Лео голубые глаза и лохматая шапка каштановых волос, поэтому он похож на члена мальчиковой группы. Он перевелся в Ньютон в начале этого года и пока еще не нашел себе место. Он был мне вполне симпатичен, пока не проявил интереса к Эви, но теперь я понимаю, что ошибся.

Когда профессор Льюис отправляет нас по местам, он объявляет, что решение Лео набрало больше всего голосов.

– Как демонстрирует работа мистера Макгилла, математика должна достигать определенной цели. Передача информации. Ясность. Даже красота. Недостаточно просто быть правым. – Он срывает одну из работ со стены и бросает на стол Блейку. – Хотя это вполне неплохое начало, мистер Уинтерс.

Потом он разбирает с Лео задачу, прежде чем перейти к вопросам. Марго Ханна поднимает руку, перебрасывает копну темных волос через плечо, широко распахивает голубые

глаза и улыбается Лео. В первый год меня слегка увлекла красота Марго, и я надеюсь, что Лео постигнет та же участь. Но он игнорирует Марго, как и профессор Льюис, который спрашивает:

– Серьезные вопросы будут?

Лео говорит:

– Будет ли против правил спросить, кому принадлежит работа номер три?

– Это работа мисс Бэхем. Правильно, как всегда.

– Не просто правильно, – не соглашается Лео. – В ней убрана абсолютно вся ненужная информация. – Он поворачивается к Эви. – Это элегантное решение.

Она не краснеет и не отводит взгляд, но с довольной улыбкой отвечает:

– Спасибо.

Кара шепчет Марго:

– Кажется, тебе надо было больше времени тратить на домашку и меньше на свою прическу.

И я думаю: «И тебе, и мне тоже».

ЭВИ

У нас с Калемом есть пятнадцать минут перерыва между уроками, и почти всегда мы проводим их в главной рекреации, поглощая разные виды кофеина.

– Ну что, – говорит Калек, – каково это – лишиться титула королевы «проходки»?

– Переживу. Наверняка профессор Льюис был рад, что победил профильщик по физике.

– Не говоря о том, что он – мужского пола, – добавляет он.

– Не думала, что ты заметил.

– Будь на твоём месте кто другой – я бы не заметил, но это ты. Иногда ты отвечаешь на вопрос, и он так удивляется. Как будто кто-то научил обезьянку матану.

Я смеюсь.

– Спасибо. Теперь я знаю, что ничего не выдумала, и мне легче.

Несмотря на мои оценки, профессор Льюис относится ко мне с пренебрежением, которое сложно понять иначе, нежели протест: как это так, девушка – и с успехами в математике.

– Наверное, я должна была почувствовать солидарность, когда профессор Льюис отчитал Марго, – говорю я. – Но честно, я не больше чем он хотела слушать ее вопрос, который явно никак не касался физики. Это что же получается, я предаю свой пол?

– Не думаю, что у тебя есть обязательства перед всеми девушками мира. – И помолчав, он добавляет: – Особенно перед теми, кто строит глазки Лео Макгиллу.

– А это тут при чем? – не понимаю я.

Калек улыбается. Я не знаю почему. Марго нравится мальчикам. Но я к этому не имею отношения.

Уходя от ответа, он говорит:

– Расскажи, над чем ты работаешь для «Фронтиса».

Наверное, он видел мои эскизы. Не надо было заниматься ими на уроке, но я не могу выкинуть символы адинкра из головы. Вот только уж кто-кто, а Калек не должен воспринимать их всерьез. В том году я была в восторге, когда мою работу приняли. Но чем ближе становился «Фронтис», тем больше на меня давила мысль о том, что мне придется стоять на сцене перед залом, полным незнакомцев, в месте, где я никогда не была.

В итоге я так и не добралась даже до Сан-Диего, не то что до конференции. Мы с родителями приехали в аэропорт, но у терминала я начала дрожать и всхлипывать. И не смогла сесть в самолет. Это был один из моих самых страшных срывов за несколько лет. И я не могу пережить это снова. Ведь теперь я наконец чувствую, что контролирую свое состояние.

Я говорю Калеку:

– Ты знаешь, что я не пойду на «Фронтир». Я пыталась. Ничего не вышло.

– Вышло бы, будь с тобой я, – говорит Калев. А когда я пытаюсь протестовать, он берет мою руку и сплетает наши пальцы: привычка из детства. – Не просто за компанию, а делать вместе презентацию. Чтобы ты не стояла на сцене одна.

Возможно. С Калевом мне спокойно. И он отлично знает – возможно, лучше всех, – когда я чувствую, что с меня хватит. Но я не уверена, как это можно устроить. На «Фронтире» существуют четкие правила по интеллектуальному вкладу. Единственная возможность для него быть рядом со мной на презентации – в роли соавтора. Ему нужно будет отвечать на вопросы о его вкладе в решение задачи, так что проект должен включать в себя кодинг. Я обожаю Калеба, он творит чудеса с компьютером, но математика уровня «Фронтира» ему неподвластна.

– Давай я подумаю.

– Хорошо, но не слишком долго. – Он отпускает мою руку и встает. – Гуманитарка?

Я киваю и иду за ним.

По-хорошему, мне бы надо сейчас думать о совмещении кодинга и символов адинкра (бредовые дискуссии на уроках гуманитарных наук не заслуживают моего внимания), но вместо этого я размышляю о совете Аниты – завести друзей. Лео удивил меня на физике. Его решение не было таким чистым, как мое, но отлично объясняло задачу. Возможно, Анита права, и есть те, с кем стоит знакомиться.

В столовой я беру сэндвич с жареным сыром и яблоко и сажусь рядом с Бекс и Калевом. Калев ни с кем не встречается, поэтому четвертое место за столом пустует. Так что зря я так удивляюсь, когда Лео спрашивает, занято ли оно.

Я смотрю на него с чувством легкой паники. Почему-то то, как он на меня смотрит, отключает языковой центр в моем мозгу. Я поворачиваюсь к Бекс и Калебу, ища помощи. Когда к нашему столу подходят новенькие, они обычно не надеются сесть рядом со мной.

Лео неуверенно улыбается, и от этого мне ничуть не проще найти слова.

– Похоже, вопрос труднее, чем я думал, – говорит он.

– Садись, – говорит Бекс, переводя взгляд с меня на Калеба, который почему-то застыл точно так же, как я. – Лео, верно?

– Да. Спасибо. – Лео кивает на остальных в столовой. – Я как-то нигде не прижился. Сложно, когда все друг друга уже знают.

Я тут же проникаюсь сочувствием. Бекс приняла меня довольно быстро, но, если бы в первый месяц рядом со мной не было Калеба, не знаю, что бы я делала.

– Ты из Южного Ньютона? – спрашивает Бекс, и я страшно благодарна за то, что она поддерживает разговор, так что клянусь ходить за печеньем каждый раз, как она попросит, а не жаловаться, что не хочу отрываться от работы.

Южным Ньютоном мы называем еще одну частную школу, которой управляют ньютоновские попечители. Официальное наименование у нее нелепое – «Рыцари Пифагора» – и учатся там только мальчики. Бекс постоянно из-за этого возмущается, хоть она и не хочет ехать в Луизиану, где эта школа находится.

Лео кивает.

– И как мы выглядим в сравнении?

– Предпочтительно, – отвечает он, глядя на меня. Что это значит?

Мимо проходит Сара-Кейт Куинн, одна из подруг Бекс по футбольной команде, и Бекс вытягивает руку за голову, чтобы дать пять. Сара-Кейт останавливается и кивает Лео. Потом говорит: «Эви, Калев», – глядя на каждого из нас. Когда она произносит наши имена, ее голос слегка сочится ядом, и Лео поднимает брови.

Бекс объясняет:

– Кaleb и Сара-Кейт встречались в том году.

– Три месяца постоянного ора, – говорит Сара-Кейт.

Кaleb откидывает с глаз светлые волосы и смотрит на нее.

– Не постоянного ора, – мягко говорит он. И что-то в его манере общения с ней заставляет меня чувствовать себя совсем маленькой. Как будто вокруг – целый мир, о котором я ничего не знаю.

Сара-Кейт улыбается Калебу.

– Может, я и припомню пару моментов, когда мы были заняты другим, – говорит она, а потом уходит и садится за свой стол.

– Кaleb встречался со всеми девочками нашего класса, – говорит Бекс.

– Исключая присутствующих, – добавляет Кaleb. И через мгновение вспоминает: – И Келли с Алексой.

– Они вместе, – уточняет Бекс для Лео.

– Это все может показаться хуже, чем есть на самом деле, – продолжает Кaleb. – Девять девочек за три года – это не так уж много. Особенно если учитывать, что Марго продержалась только два дня.

Два дня – уже слишком много, на мой взгляд. У Марго нет проблем с успеваемостью, но все свободное время она болтает о видео с котиками, каналах с распаковкой на «Ютубе» и лучших кафе, где можно купить баббл-ти. Мне это не нравится.

И сколько бы ни прошло времени, я всегда буду помнить, что Кaleb подумал, будто встретиться с Марго – это хорошая идея. Это его не красит.

Кaleb смотрит на меня и говорит:

– Будь снисходительнее. Мне было четырнадцать.

– Это не оправдание.

Лео, как мне кажется, пытается сменить тему и говорит:

– Сара-Кейт такая спокойная. Почему вы вечно кричали?

И Кaleb, и Бекс кидают на меня быстрый взгляд, а потом отводят глаза. Я изучаю свою тарелку.

– Эви и Кaleb выросли вместе, и между ними прямо такая куртуазная любовь, – говорит Бекс, указывая на нас. В том году она посчитала, что легенды о короле Артуре, которые мы проходили по английской литературе, до смешного наглядно описывают нас с Калебом. – Сара-Кейт не смогла принять священную и не плотскую природу их отношений.

Кaleb закатывает глаза, но не спешит не соглашаться. И я тоже. Это не самое плохое описание того, что между нами происходит.

После обеда Лео говорит, что у него есть вопрос по физике, и предлагает проводить меня на математику. Он спрашивает об одном из моих уравнений, и по этому вопросу мне ясно: он понял, что я сделала. Это делает его не похожим почти на всех остальных в нашем классе. Когда мы доходим до кабинета математики, мне жаль, что ему пора.

Удивительно.

Я сажусь рядом с Дэвидом, и он говорит:

– Я сегодня голосовал за твою работу. Лео был прав. Она прекрасна. Ты знаешь, что он никогда не будет тобой доволен, да? Ты просто работаешь дальше.

Он говорит не про Лео. Дэвид, один из восьми темнокожих ребят в Ньютоне, кое-что знает о бремени чужих ожиданий. Он рассказал мне, что в его первый день декан Сантори спросил, не зашел ли мальчик не в то здание. Не удивлена, что Дэвид заметил, как со мной обращается профессор Льюис. Дэвид – больше друг Калеба, чем мой. Но поскольку профилирующая дисциплина у нас обоих – математика, а второстепенная – физика, мы за эти годы провели много времени вместе.

Янаан, третья ученица с профилем по математике и единственная, кроме меня, девочка в классе, кидает сумку на пол и плюхается на стул по другую руку от Дэвида. Он смотрит на нее, а потом берет ее волосы, собранные в хвост, и пристально изучает кончики.

– Ты опять подожгла себе волосы? – улыбается Дэвид.

– Да, – признается она. – Даже не заметила, пока не почувяла.

В химических лабораториях полно опасностей. Однажды Бекс вдохнула какие-то пары, которые чуть не сожгли ей все волосы в носу. Я только рада, что выбрала физику.

Мы втроем открываем тетради и смотрим на профессора Бьесту, математика из университета, которая только-только начала работать со старшими классами. Пока она мне нравится. Говорит она тихо, но в классе всего девять человек, так что это вряд ли важно. Она диктует задачи и оставляет нас в покое, пока мы их решаем. Наш прошлогодний преподаватель считал, что задача учителя – устраивать представление. Он черкал на доске изысканные доказательства, а мы их копировали. Стоило ему начать – и он бы не останавливался до конца урока, даже если бы мы все ушли. Профессор Бьеста учит по-другому: она знает, что в классе есть кто-то кроме нее.

Сегодня она пишет на доске теорему, просит нас ее доказать и ходит вдоль парт, тихо предлагая советы. К концу урока я понимаю, что до завтра все успею, хотя мне надо учить физику. И когда шестеро ребят с другим основным профилем идут на следующий урок, я откладываю тетрадь и достаю свои символы адинкра.

Сильвестр Джеймс Гейтс-младший с помощью этих символов описывал отношения квантовых частиц. Я хочу использовать его модель для чего-то похожего, только в плане атомов гелия-3.

Я обсуждаю свои мысли с профессором Бьестой, когда заходит декан Сантори. Он оглядывается по сторонам, явно удивляясь тому, что класс почти пуст. Потом он откашливается и сообщает:

– Я думал проверить, над чем мы работаем для «Фронтيرا» в этом году. Это наши математики?

– Да, старшеклассники, – отвечает профессор Бьеста.

– Хм-м, – тянет декан Сантори, глядя на нас.

Дэвид был финалистом в том году. Значит, он уже выиграл стипендию, так что участвовать не может.

– На меня не смотрите, – говорит Янаан. – У меня химия, а не физика.

Декан Сантори бросает на меня быстрый взгляд и поворачивается к профессору Бьесте.

– Тогда я вернусь попозже и посмотрю на младших?

Значит, можно не бояться, что он будет заставлять меня участвовать.

КАЛЕБ

Когда заканчивается лабораторная по кодингу, Лео уходит на футбол, обещая вернуться после ужина. Сегодня вечером мне придется позаниматься физикой (хотя, в отличие от профессора Льюиса, я ничего не имею против карьеры инженера), но сперва надо проветрить мозг.

Работа с Лео над проектом к середине семестра казалась отличной идеей. Он свободно владеет C++, довольно веселый, и у него не было напарника. Но делая это предложение, я не знал о его симпатии к Эви. Теперь-то я понял, что общий интерес не так укрепляет команду, как хотелось бы.

Сегодня из-за его частых рассеянных улыбок я вышел на долгую, медленную пробежку за стенами Ньютона. Я направляюсь к жилым кварталам, не думая о том, куда бегу и сколько займет моя пробежка.

Интерес Эви к Лео определенно вынес мне мозг. Серьез но, в какой вселенной будет логично, если она выберет кого-то другого?

Я ее лучший друг. И я ее люблю. И чуть не поцеловал ее четырнадцать раз. Я храню в памяти список недопоцелуев, и вот мои любимые:

№ 1. Нам было по тринадцать, мы играли в прятки с моими братьями. Я зажал ее у стены нашего гаража и, наверное, поцеловал бы, если бы она не поднырнула под мою руку и не убежала.

№ 4. Через год я обнимал ее во время панической атаки, пока она не перестала трястись и плакать. Я хотел собрать губами все слезинки с ее лица.

№ 7. Той зимой мы упали с санок. Закрывая глаза, я все еще вижу, как Эви смеется в снегу.

№ 11. Ей было шестнадцать; мой день рождения был через пару недель. Мы провели день на окружной ярмарке, вздрагивали при виде перекормленных свиней, ели торт «Муравейник» и тихонько высмеивали выступление фокусника. В каком-то смысле нашу поездку на колесе обозрения можно считать за семь отдельных раз.

№ 12. На мой шестнадцатый день рождения я устроил ей первую самостоятельную поездку на машине. Эви поцеловала меня в щеку, когда желала доброй ночи, но я почти успел повернуть голову.

№ 13. Нам все еще шестнадцать (это было сложное лето). Вечером перед возвращением в Ньютон она уснула, свернувшись клубочком возле меня, пока мы смотрели телевизор. Я написал матери Эви, что ее дочь останется на ночь у нас. А когда я укрывал Эви одеялом, она сонно заморгала и вздохнула. Я ушел наверх.

Так что Лео может пойти к черту со своими тайными улыбочками.

Я поворачиваю обратно к школе и вижу впереди темноволосую девушку в форме Ньютона. Бекс.

Когда я приближаюсь к ней, она поворачивается, вскрикивает и хватается за руку.

– Не подбегай так к женщинам сзади на улице, идиот.

– Прости, – говорю я и замедляюсь до шага. – Чем занимаешься?

– Иду со встречи с моими активистами. Мы пытаемся устроить общегородской запрет на пластиковые пакеты в магазинах.

Я ухмыляюсь. Бекс обожает свои маленькие проекты. Она пихает меня плечом.

– Не надо так снисходительно улыбаться. Когда-нибудь твои дети посмотрят в сторону океана и не увидят ничего, кроме горы пластика. Вот тогда ты пожалеешь, что не ходил со мной на эти встречи.

– Мои дети будут жить на Среднем Западе. Они никогда не увидят океан.

Некоторое время мы идем в молчании. Потом она спрашивает:

– Что планируешь делать с Лео?

Я спотыкаюсь о бордюр, но даже не пытаюсь притвориться, будто не понимаю, о чем она говорит.

– Как и всегда. Смотреть шоу. Есть попкорн. Быть рядом, чтобы расчистить путь от обломков.

– Что с тобой не так?

Я поднимаю брови.

– Ты влюблен в нее, – говорит Бекс. – Насколько я знаю, ты всегда был в нее влюблен. И все равно три года встречался со всеми девушками в Ньютоне, кроме Эви. И сейчас ты собираешься сидеть и ничего не говорить, пока она мутит с каким-то голубоглазым взьерошенным собирателем марок, любящим футбол?

– Ну, когда ты так говоришь, это звучит тупо, – отвечаю я.

Но улыбаюсь, потому что Бекс прекрасна. Однажды Эрнест Резерфорд сказал, что вся наука – это либо физика, либо коллекционирование марок, что сделало последнее скрытым оскорблением среди ученых. Именно так я и буду теперь думать о Лео.

Мы возвращаемся в Ньютон, я забираюсь на одного из бетонных драконов и втаскиваю Бекс за собой.

– Послушай, как только Эви поймет, что ему нужны не только ответы на задачи по физике, она от него отвернется. Это так работает.

– Может быть, – говорит Бекс, но мне кажется, я ее не убедил. От ее сомнений мой желудок скручивает от страха. – Но почему ты никогда не стремился к большему?

– Стремился, – говорю я. – И это был великий провал под названием «давай-разведем-костер-и-рискнем-десятилетием-нашей-дружбы-потому-что-я-не-могу-перестать-думать-о-твоих-губах».

Бекс явно в шоке. Видимо, Эви ей не рассказала. Я не удивлен, потому что мы оба приоткрылись, будто этого не было. Но раз уж Бекс так давит, я ей расскажу.

Летом после девятого класса родители повезли моего самого младшего брата на соревнования по плаванию в Северный Висконсин и в первый раз позволили нам с Ноланом (еще одним моим братом) остаться дома одним. Мы с ним и Эви развели костер в яме на заднем дворе. Мы жарили маршмеллоу, рассказывали истории про призраков и решали логические задачи. А потом Нолан ушел в дом, оставив меня с девушкой моей мечты. На нашем с Эви счету было девять недопоцелуев, но она ни разу не подала вида, что заметила хотя бы один из этих моментов. Я решил действовать откровеннее.

Ругаясь на непостоянный ветер и дым, я слез со стула и сел рядом с ней на одеяло, так близко, что мог разглядеть веснушки у нее на носу и щеках. Эви начала отодвигаться, но я взял ее за руку.

Она встретилась со мной взглядом – смущенная, но еще ничего не подозревающая.

– Калев?

Ее губы чуть разомкнулись, пока она пыталась понять, что я делаю, и полностью завладела моим вниманием. Собрав всю свою смелость, я коснулся ладонью ее щеки.

– Поцелуй меня, Эви?

В моей голове все было решено. Номер десять казался идеальным, чтобы перейти от недопоцелуев к настоящим.

Но она оттолкнула меня – не просто с неохотой, а встревоженно.

– Нет, Калев. Я этого не хочу. Ни с кем, а особенно с тобой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.